

Елена Касьян

Все проходит, все пройдет

* * *

А ничего с тобою не случится,
И потому со мною – ничего.
Уходит скорый поезд на столицу,
А мы зимуем, нам не до того.

Сидят вороны – черные на белом,
Блестят глазами в нашу суету,
Как мы живем, и нам не надоело,
Как выдыхаем эту немоту.

Как поперек ложатся наши страхи,
Покуда вдоль ложатся провода.
И город спит в смирительной рубахе,
Пока висит над крышами звезда.

День проступает, словно фотоснимок,
И сыплет снег, как белый порошок...
Жить невозможно, жить невыносимо.
Но, Боже правый, как же хорошо!

* * *

Еще один последний взмах неслышный,
и даже твой неабсолютный слух
вдруг различит из этой дали вышней
тревожный звук,

такой чужой и лишней,
поскольку он – уже нездешний звук.

Все снова зарастет – где крапивой, где ряской –
и будут зеркала над нами плыть и плыть,
как будто бы не мы вчера играли в прятки,
а вот теперь лежим,
как книжные закладки,
и будто бы не нам сейчас опять водить.

Нас осень породнит – и с жизнью, и со смертью,
и каждый жухлый лист – бессрочный проездной.
И на твоём листе две циферки начертят,
а на моем – одна
дрожит и долготерпит,
покуда и меня не позовут домой...

* * *

Нас никто уже так не полюбит,
Как обещано было сперва.
Сентябри, словно кольца на срубке,
И не к месту слова.

Время сколет все наши скорлупы,
Как в орехе – проступит нутро.
Не целуй меня в лоб, только в губы,
Проводи до метро.

До угла, до оградки, до края –
Нам теперь все места хороши.
Это вечность сквозь нас прорастает
Обещанием жить.

Мы смешны, мой стареющий мальчик,
Нас еще от касанья знобит.
Видишь, осень, как душеприказчик,
В переходе стоит.

* * *

Все проходит, все пройдет,
Спит у печки серый кот,
За окном метет метель,
Дремлет бабушкина гжель,
Дремлет мамино шитье,
Дремлет дедово нитье,
Спят деревья в переулке,
На балконе спят сосульки.
Тише, Танечка, не плачь,
И дался тебе тот мяч.
В доме сухо и тепло,
Город снегом замело,
А наступит новый год –
Деда с бабушкой уведет –
Навсегда, на «никогда».
Мячик – это ерунда.
По небесному по льду
Деда с бабушкой поведут,
Тише, Танечка, поверь,
Жизнь полна таких потерь,
И не знаешь наперед,
Что река тебе вернет.
Скоро утро, баю-бай,
Покатился мячик в рай.

* * *

Это такие слова... удивленные буквы
Жмутся к строке, рассыпаются жухлой травой.
Это такие слова... произносишь, и будто
Небо застыло в гортани водой неживой.

Это такая пора – то штормит, то качает.
Поговорить бы об этом, да что говорить,
Если слова ничего уже не означают,
Если проститься уже тяжелей, чем простить.

Столько любимых вокруг – разрывается сердце,
Словно не осень, а вечность вступает в права.
Как наглядеться на все это, как наглядеться?
Время не вылечит... Это такие слова.

* * *

За то, кем я была, и кем еще побуду,
пока, как клейкий лист, не развернется жизнь,
простите все меня,
кто, может быть, отсюда
посмотрит в черноту мою, и даль, и синь...
В нарядную меня – тростиночку, трехлетку –
в хрустящее бумажное бессмертие мое,
где я под Новый год стою на табуретке
и хохочу над тем,
как бабушка поет...

Когда я отступлю – на шаг, на два – от края,
и встанут предо мной
мой дед, отец и брат,
которых больше нет (а я стою живая),
то, думается мне, сильнее во сто крат
я полюблю вас всех – и тех, кого не знаю,
и тех, кого забыла, забуду навсегда,
и тех, кого сейчас
бесследно забываю
(ты спросишь: «и меня?» – и я отвечу: «да»)...

Осыплемся мы все, как маковое семя,
из всех своих пустых бесчисленных сердец.
Но алые цветы пока цветут все время,
пока еще цветут
и зреют, наконец,
и истекают вглубь – то молоком, то медом,
и оплетают вдаль – то светом, то огнем,
и если не мешать, то прорастают сходу

сквозь ель,
сквозь табурет,
сквозь девочку на нем.

Я с вами заодно (не хуже и не лучше),
но мир стоит в дверях, как вечный Новый год,
и выведет нас всех, по одному, за ручку,
туда, где смерти нет,
где бабушка поет,
где все уже равны и ростом, и любовью,
где не о чем роптать... лишь грустно оттого,
что каждому из нас положат к изголовью
прощенья и конфет,
и больше ничего.

* * *

Все так и шло. И если о тебе
Мне ничего здесь не напоминало,
Ни шум листвы, ни суета вокзала,
То о твоём присутствии теперь
Все говорит и явственней, и строже.
И этот август оттого дороже,
Что здесь ещё немислимей зима.
Пейзаж размыт, движения нерезки,
И наблюдать дыханье занавески –
Лишь верный способ не сойти с ума,
Покуда тех, кто бесконечно врозь,
Обточит время, как слоновою костью...

* * *

Дерево машет крыльями, словно птица,
Ветер ласкает ветку за голый локоть.
Где это было видано – так влюбиться,
Даже теперь не зная ещё, насколько.

Город по небу водит луну за нитку,
Нет неизбежной времени, чем вот это,
Можно еще уснуть со второй попытки,
И, наконец, очнуться в другое лето.

Даже прощанье – это отчасти встреча.
Жизнь поступает с нами не зло, но мудро.
Кто понимает это, стареет легче.
Спи, у тебя случится другое утро.

Там баобабы прячут траву от света,
Кто-то надежный ведает семенами,
Там Антуан летит над своей планетой –
И ничего плохого не будет с нами.

Львов

